

5.2. ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ Д. С. ЛИХАЧЕВА

В России завершился Год академика Д. С. Лихачева, провозглашенный специальным Указом Президента РФ В. В. Путина¹. Научное сообщество отметило юбилей ученого традиционно — проведением ряда научных конференций² и переизданием многих его трудов³. Были открыты интернет-сайты, специально посвященные научной деятельности и биографии академика⁴, издан ряд не публиковавшихся ранее его работ⁵.

В результате значительно расширились представления о круге научных интересов Д. С. Лихачева, были признаны научными многие его работы, относившиеся ранее к публицистике⁶. Литературовед и историк культуры получил признание и как теоретик культуры, искусствовед. Интерес к его наследию проявили ученые-педагоги, философы, юристы и представители других отраслей научного знания. Не случайно на заседании Отделения историко-филологических наук РАН в декабре 2006 года было предложено относить академика к числу ученых-энциклопедистов, типу исследователей, практически не встречающемуся в науке начиная со второй половины XX века⁷.

Возможно, экономика осталась едва ли не единственной из «нетехнических» наук, в которой заслуги Д. С. Лихачева не выявлены, не обсуждены и не получили высокой оценки. Такое положение, на первый взгляд, представляется совершенно справедливым: у ученого не только не было специальных трудов, посвященных данной сфере человеческой деятельности, но и практически не встречается даже отдельных упоминаний экономических факторов, процессов, явлений.

Во всяком случае, чтобы отыскать хотя бы какие-то фразы на темы экономики в 1337 известных на конец 2006 года публикациях академика⁸, нужно весьма постараться. «Распад Киевского государства был вызван новыми экономическими и политическими условиями, создавшимися в связи с ростом производительных сил в местных феодальных

¹ О праздновании 100-летия со дня рождения академика Д. С. Лихачева: Указ Президента РФ от 14 февраля 2006 г. № 110 // СЗ РФ. 2006. № 8 (20 февр.). Ст. 906.

² Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: к 100-летию академика Д. С. Лихачева: матер. науч. сессии. Москва, 20 декабря 2006 г. / РАН, Отд-ние ист.-филол. наук; отв. ред. А. П. Деревянко. М.: УОП Ин-та этнологии и антропологии РАН, 2006; Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Международные Лихачевские научные чтения, 26–27 мая 2006 г. / РАН, РАО, Конгресс петербург. интеллигенции, СПбГУП; сост. и отв. ред. Г. М. Бирженюк. СПб.: СПбГУП, 2006; Культурное наследие Древней Руси: III Лихачевские чтения: междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 27–30 ноября 2006 г. [организаторы: Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) и др.]; Роль духовного наследия Д. С. Лихачева в воспитании подрастающего поколения в сфере художественного образования: междунар. науч.-практ. конф. Москва, 19–20 декабря 2006 г. [организаторы: МГУКИ и др.] и др.

³ *Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре* / СПбГУП. СПб., 2006. (Почетные доктора Университета); *Он же. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет: [в 3 т.]* / сост. О. В. Панченко, М. А. Федотова, И. В. Федорова. СПб.: Арс, 2006; *Он же. Заветное: [сб.]* / авт. проекта и сост. А. А. Лиханов; вступ. слово Д. А. Гранина. М.: Издат., образ. и культ. центр «Детство. Отрочество. Юность», 2006; *Он же. Избранное: мысли о жизни, истории, культуре* / сост., подг. текста, вступ. ст. Д. Н. Бакуна. М.: Рос. фонд культуры, 2006; *Он же. Письма о добром* / [предисл. пред. Совета Федерации Федерального собрания РФ С. М. Миронова]. СПб.: Logos, 2006; *Он же. Раздумья о России.* [3-е изд.]. СПб.: Logos, 2006 и др.

⁴ Площадь Д. С. Лихачева: [Электронный ресурс] / СПбГУП. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.lihachev.ru/> — Загл. с экрана; Год академика Лихачева: [Электронный ресурс] / Междунар. благотвор. фонд им. Д. С. Лихачева. Электрон. дан. Режим доступа: <http://likhachev100.fond.spb.ru/> — Загл. с экрана.

⁵ Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов / СПбГУП. СПб., 2006.

⁶ См. например: *Гусейнов А. А. Культурология Дмитрия Лихачева: коммент. к кн. Д. С. Лихачева «Избранные труды по русской и мировой культуре»* / А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий; СПбГУП. СПб., 2006; *Запесоцкий А. С. Дмитрий Лихачев: многогранность научного наследия* / СПбГУП. СПб., 2006. (Избранные лекции Ун-та; Вып. 47); статьи А. С. Запесоцкого: Д. С. Лихачев — выдающийся гражданин, просветитель, ученый // *Вестник РАН.* 2006. Т. 76. № 11. С. 1026–1030; О философской составляющей воззрений Дмитрия Лихачева // *Вопросы философии.* 2006. № 12. С. 95–98; Нам предстоит узнать Дмитрия Лихачева // *Вопросы культурологии.* 2006. № 8. С. 9–13; Академик Лихачев: взгляд из XXI века // *Наука и жизнь.* 2006. № 12. С. 16–21 и др.

⁷ *Янин В. Л. Век Лихачева* // Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: к 100-летию академика Д. С. Лихачева: матер. науч. сессии. Москва, 20 декабря 2006 г. / РАН, Отд-ние ист.-филол. наук; отв. ред. А. П. Деревянко. М., 2006. С. 8; *Запесоцкий А. С. Дмитрий Лихачев — многогранность научного наследия* // Там же. С. 26.

⁸ См.: Библиография работ Д. С. Лихачева // *Запесоцкий А. С. Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог* / СПбГУП. СПб., 2007. С. 215–290. (Новое в гуманитар. науках; Вып. 21).

центрах»⁹; «...быстрое экономическое развитие русских земель, развитие ремесел и разделение труда, приводившее к усиленному торговому обмену между отдельными областями, экономически подготовляло постепенное политическое объединение русских земель в единое централизованное государство»¹⁰; «...в XII веке на базе развития феодального способа производства, на базе развития основного классового противоречия феодального общества — между феодалами-землевладельцами и закрепощаемыми крестьянами — происходит борьба сил раздробленности и централизации»¹¹; «...Киев продолжает, тем не менее, играть прежнюю роль политического и культурного центра Русской земли, продолжая расширяться, богатеть и украшаться. Растет и крепнет киевское ремесло и торговля, строятся новые храмы и княжеские “дворы”, растут монастыри»¹², — вот, пожалуй, и вся «экономическая теория», которую можно найти в трудах ученого в период с 1946 по 1980 год.

Знакомство с научным наследием академика, да и с воспоминаниями современников, описывающих его личную жизнь, создает впечатление, что вся деятельность Дмитрия Сергеевича прошла как бы вне экономических реалий и категорий. «У деда, как у многих интеллигентов старого образца, не было стремления не то чтобы к роскоши, но даже к некоторой благоустроенности. Деда не волновало, где жить — в центре или на окраине, какие в квартире потолки, балконы, интерьер. В 70-е мои родители стали собирать старинную мебель — покупали красное дерево в комиссионном на улице Марата, потом реставрировали, иногда папа это делал собственноручно, — и расставляли со вкусом и логикой. Дед беспощадно клеймил это занятие: “Мещанство, стыдно, недостойно!”» — пишет внучка ученого¹³. Говоря о периоде 1970–1980-х годов, писатель Д. А. Гранин отмечает: «Лихачев был очень обеспеченным человеком. Ему хорошо платили за его работы. У него было много изданий у нас и за границей, заграничных и наших наград и премий. Он мог позволить себе очень многое, но не позволял. <...> Он жил скромно, потому что считал, что так должен жить интеллигентный человек»¹⁴.

Можно предположить, что если бы не идеологические требования к публикациям того времени, то и процитированные выше фрагменты в его трудах, формально связанные с экономической теорией советского времени, не были бы написаны. Так же, впрочем, как не были бы включены в работы и чрезвычайно редко встречающиеся ссылки на Карла Маркса, Владимира Ленина и других официальных классиков советского времени.

Более того, знакомство с текстами академика перестроечного и постперестроечного периодов позволяет говорить чуть ли не о некоем его «антиэкономизме»: к примеру, существуют прямые высказывания Д. С. Лихачева о том, что интеллигент не имеет права при принятии принципиальных, общественно значимых решений руководствоваться материальными соображениями. «Интеллектуальная независимость является чрезвычайно важной особенностью интеллигенции. Независимость от интересов партийных, сословных, классовых, профессиональных, **коммерческих** (выделено мною. — А. З.) и

⁹ Лихачев Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. М.: Современник, 1979. Гл.: «Слово о полку Игореве». С. 165.

¹⁰ Лихачев Д. С. Культура русского народа X–XVII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Гл.: Русская культура после татаро-монгольского нашествия до образования русского централизованного государства. С. 42.

¹¹ Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Гл.: «Слово о полку Игореве» в становлении русской литературы. С. 182.

¹² Тиханова М. А. Оборона древнерусских городов / М. А. Тиханова, Д. С. Лихачев. Л.: ОГИЗ: Госполитиздат, 1942. Гл.: Киев — мать городов русских. С. 18.

¹³ Курбатова З. Ю. [Воспоминания о Д. С. Лихачеве] // Дмитрий Лихачев и его эпоха. Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии / сост. и отв. ред. Е. Водолазкин. СПб.: Logos, 2002. Разд.: Дом. С. 40.

¹⁴ Гранин Д. А. Он был министром той культуры, которой власть не занимается / [беседу вел М. Рутман] // *Очень*^{UM} . 2006/2007. № 1, спец. вып.: к 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. С. 22.

даже просто карьерных»¹⁵, — говорит он в одной из дискуссий по проблемам интеллигенции, организованных нашим Университетом в середине 1990-х годов.

И все же оказаться совсем в стороне от вопросов экономики Д. С. Лихачеву не удалось. Ведь «антиэкономизм» — это тоже экономические воззрения, только особого рода. Если перефразировать одного из отечественных классиков, то следует признать, что невозможно жить в обществе и быть свободным от мыслей о его экономических отношениях.

Разумеется, Дмитрий Сергеевич не принадлежал к какой-либо экономической школе. Однако, думается, что его идеи ближе всего к институциональному направлению экономической мысли. Лихачева можно назвать «интуитивным институционалистом», который не придавал решающего значения рынку.

В современной экономической теории появилась дискуссионная, но весьма интересная точка зрения на дореволюционную Россию, отрицающая в принципе наличие в ней капиталистического рынка в его классическом (западном) понимании. В числе ее авторов можно назвать американского профессора Ричарда Пайпса. В изданной у нас в стране в 1993 году монографии «Россия при старом режиме»¹⁶ он утверждает, что в дооктябрьской России буржуазия как класс вообще не сформировалась. От констатации отсутствия у нас буржуазии как движущей силы рыночной экономики Пайпс перебрасывает мостик к неразвитости, «невнедренности» в России ключевых экономических ценностей Запада. В данном отношении американский экономист предлагает по сути дела признать Россию качественно иным, недоразвитым по сравнению с Западом, «отставшим навсегда» типом цивилизации.

Разумеется, идея «вечного отставания» не могла быть воспринята позитивно российскими коллегами Пайпса, из-за чего его концепции, по всей видимости, и подверглись серьезной критике (назовем хотя бы публикацию А. А. Галагана¹⁷). Вместе с тем в позиции американского ученого содержалось, очевидно, и некое рациональное зерно: отечественный дореволюционный капитализм проявлял определенные специфические особенности. Не случайно профессор Р. Гусейнов пишет: «С середины XIX века Россия начала длительный путь формирования буржуазных производственных отношений. К XX веку она подошла в переходном состоянии, когда ни одна содержательная характеристика капитализма не существовала в развитом виде. Капиталистическая экономика существовала лишь как тенденция, а не как система»¹⁸.

Если полагать, что во всей дореволюционной истории России капиталистического рынка не было, тогда, разумеется, в отечественной истории его не было никогда. В связи с этим и **позицию Д. С. Лихачева, игнорировавшего сколь-нибудь существенное значение рынка, следует признать естественной.** Здесь важно отметить, что в целом ряде исследований Дмитрий Сергеевич использовал метод прямых интуиций. Огромный массив базовых знаний помогал ему нередко формулировать итоговые выводы сразу после постановки проблемы, без традиционной цепочки логических обоснований. Необходимо заметить также, что в истории, культурологии, педагогике и ряде других направлений развития научного знания лихачевские выводы означали существенное продвижение вперед.

С учетом сказанного представляется уместным вернуться к тезису об интуитивном институционализме Дмитрия Лихачева.

Современное понимание институционализма хорошо просматривается в работах целого ряда отечественных авторов. Упомянем, к примеру, К. Ляско¹⁹, А. Шаститко²⁰ и

¹⁵ Лихачев Д. С. Интеллигенция — интеллектуально независимая часть общества: [выступл. на дискус. «Судьба российской интеллигенции», 23 мая 1996 г. Дворец Белосельских-Белозерских] // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 38.

¹⁶ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.

¹⁷ Галаган А. А. История предпринимательства российского. От купца до банкира. М.: Ось-89, 1997.

¹⁸ Гусейнов Р. История экономики России: учеб. пособие. М.: ИВЦ «Маркетинг»: ЮКЭА, 1999. С. 216.

¹⁹ Ляско К. Доверие и транзакционные издержки // Вопросы экономики. 2003. № 1.

процитируем профессора Л. Бляхмана: «Институциональная концепция структурных реформ в наибольшей степени соответствует условиям России», — пишет он. И далее продолжает: «Социальный институт — совокупность формализованных (правовых) и неформальных (традиции, привычки, корпоративная, деловая и трудовая мораль) внешних норм, а также социальных систем (административной, судебной, правоохранительной, информационной и т. д.), регулирующих совместную деятельность людей, поведение хозяйственных субъектов. Социальные институты — это совокупность правил, механизмов их реализации и норм поведения, которые превращают множество предприятий и других организаций в социально-экономическую систему, обеспечивают их эффективное взаимодействие»²¹.

Л. С. Бляхман обращает внимание на то, что в рамках институциональной теории экономика рассматривается как подсистема общества, а рыночные реформы и увеличение валового продукта — лишь как средство решения задач общественного развития, но не как самоцель. Поведение хозяйствующих субъектов в связи с этим определяется не только законами макро- и микроэкономики, но и степенью доверия между гражданами и социальными институтами, уровнем защищенности личности и собственности и т. д. Неэффективная экономика России в контексте этой теории обусловлена низкой деловой активностью массы населения и неудовлетворительным управлением. Отсюда вытекает необходимость придания реформам, в первую очередь, характера преобразования институциональной среды рыночной экономики²².

Таким образом, в рамках институционального подхода логично полагать, что сегодняшние проблемы российских трансформаций связаны с недостаточно высокой культурой производства, экономической деятельности, что в свою очередь коренится в низкой общей культуре российского общества. **Будучи стихийным институционалистом, Д. С. Лихачев и ощущает интуитивно, что рынок — важный, но далеко не самый главный и уж тем более не единственный институт общества. И попытки государства абсолютизировать его роль в практической деятельности имеют губительные последствия.**

Весьма интересны в связи с этим идеи профессора В. Т. Рязанова о значении иных (помимо рынка) факторов: «То, что человек и особенности его поведения играют весьма значительную роль в экономико-теоретических построениях, подтверждается и тем, что нередко само определение предмета экономической науки указывает на важность такой связи. В известной трактовке предмета экономической теории Л. Роббинс определял ее как науку, «изучающую человеческое поведение с точки зрения соответствия между целями и ограниченными ресурсами, которые могут иметь различное употребление»²³. Данный автор указывает, что «выбор определенной модели человека в экономической теории можно рассматривать в качестве важной методологической предпосылки, от обоснованности которой во многом зависит достоверность ее содержательных выводов и рекомендаций». И далее пишет: «...обоснование модели человека не может быть ограничено узкоэкономическим подходом, опирающимся на принцип рациональности, оно должно учитывать влияние морально-ценностных норм, а потому анализировать соотношение экономики и этики»²⁴.

Более того, капиталистическая рыночная модель экономики отнюдь не универсальна. Из стран, придерживающихся этой модели, отнюдь не все добиваются процветания.

²⁰ Шаститко А. Предметно-методологические особенности новой институциональной экономической теории // Вопросы экономики. 2003. № 1.

²¹ Бляхман Л. С. Фирма и структурные реформы в России: реальность и мифы // Мир фирмы: [сб. науч. ст.] / под ред. И. П. Бойко, Л. С. Бляхмана, Е. Г. Черновой. СПб.: ОЦЭиМ., 2005. Вып. 1. С. 46.

²² Там же. С. 46–47.

²³ Роббинс Л. Предмет экономической науки // Thesis: теория и история эконом. и соц. ин-тов и систем: альм. 1993. Т. 1, вып. 1. С. 18.

²⁴ Рязанов В. Т. Антропологический принцип в экономике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2006. Вып. 1. С. 4.

Нельзя не согласиться с еще одним высказыванием профессора В. Т. Рязанова: «Нужно иметь в виду, что большая роль нерыночных форм хозяйствования не столько отражает неразвитость или запаздывание в развитии, сколько выступает признаком включенности и интегрированности экономики в более сложную систему социальных отношений. В связи с этим отметим, что обособление экономики в жизни общества остается уникальным и до сих пор в полной мере не воспроизводимым примером именно западной модели цивилизации (прежде всего Европы и США), превратившей экономическую рациональность в доминирующую черту поведения индивидов и функционирования общественного организма. Даже Япония и страны НИС, добившиеся во второй половине XX века замечательных экономических результатов, опирались в своем успехе в большей степени на другие основания»²⁵.

Для России нерыночные формы хозяйствования изначально были преобладающими. К примеру, Петр I создал командную экономику, в которой принцип экономической целесообразности не был ведущим. На рубеже XIX–XX веков страна начинает реформы, которые направлены на формирование капиталистических отношений, но серьезных успехов в формировании новых экономических отношений не достигает. В стране господствовала нерыночная идеология, которая являлась серьезным тормозом для капиталистических экономических отношений. «Для того чтобы мог произойти соответствующий специфике капитализма “отбор” в сфере жизненного уклада и отношения к профессии, то есть для того, чтобы определенный вид поведения и представлений одержал победу над другими, он должен был, разумеется, сначала возникнуть, притом не у отдельных, изолированных друг от друга личностей, а как некоторое мироощущение, носителями которого являлись группы людей», — писал Макс Вебер²⁶.

Нельзя не согласиться с профессором Р. Гусейновым, что «буржуазия создает для себя и идеологию, соответствующую новой экономической системе. Такой идеологией в Западной Европе стал, с одной стороны, протестантизм, с другой — либерализм. Буржуазия создала подлинный культ хорошо работающего, добродетельного и добросовестного человека, удача к которому приходит благодаря его способности трудиться и разумно рисковать. И с этим условием развития капитализма в России было не все в порядке. Здесь, напротив, до XX века господствовали иные идеологические установки: православие, самодержавие, соборность, общинность. Особую роль в консервации нерыночной идеологии сыграла ортодоксальная православная церковь, оказавшаяся неспособной к какой-либо прогрессивной эволюции. Еще в 1728 году специальным указом Петра II были приняты меры против протестантской пропаганды»²⁷.

В России рыночная система в жизни общества никогда не играла столь существенной роли, как на Западе, и, думается, именно потому ученые-обществоведы не уделяли ей большого внимания, уверенные в том, что прогрессивные изменения лежат в другом измерении. Несомненно, **академик Лихачев осознавал, что в стране господствовала командная система, бороться с которой и что-то изменять можно было только изменяя общественное сознание, повышая культурный уровень общества.** Основным мотивационным механизмом отечественной системы является принуждение, а в крайнем варианте — насилие, которое он испытал на себе. Все вместе взятые соображения не вызвали у ученого стремления вторгаться в решение чисто экономических проблем. Но с точки зрения изменения институтов общества, оказывающих влияние на создание благоприятной экономической среды, его работы имеют существенное значение.

Без лихачевских идей вряд ли возможно решение таких проблем, как воссоздание в новых условиях корпоративной культуры и этики, формирование новой трудовой морали, социальной ответственности бизнеса и др. В связи с этим закономерно, что научные

²⁵ Там же. С. 13.

²⁶ Вебер М. Избранные произведения: пер с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 77.

²⁷ Гусейнов Р. Указ. соч. С. 202.

воззрения Д. С. Лихачева оказались востребованными в дискуссиях экономистов в конце XX — начале XXI века. Так, ни одни из традиционных ежегодных майских научных чтений СПбГУП, приуроченных к Дням славянской письменности и культуры и проводящихся с 1993 года, не обходились без таких дискуссий с обсуждением на экономических секциях лихачевских идей²⁸.

Казалось бы, мировая экономика накопила к настоящему времени достаточный опыт трансформаций от командно-административной к рыночной системе. С небольшими вариациями его прошли десятки стран. Но российская ситуация стала уникальной. «Пробуксовка» рыночных реформ и трагические социальные катаклизмы переходного периода усилили сомнения в том, что в России развитие рынка может быть локомотивом перемен. Анализируя причины неудач, **крупнейшие отечественные специалисты — и теоретики, и практики — стали ощущать необходимость более основательной увязки регулирования развития экономики с социальным, ментальным и (шире) общекультурным контекстом**²⁹. По сути отечественная экономическая система снова оказалась командной, а рынок — всего лишь одним, далеко не всемогущим институтом системы. Не случайно теперь, через полтора десятка лет после формального введения рыночных отношений министр финансов России заявляет, что опасается расходовать средства стабилизационного фонда из-за того, что его могут разворовать. В этой ситуации воровство и коррупция выглядят экономическими категориями, а локомотивом экономики следует провозгласить мораль и право.

Впрочем, тезис **неолиберальных творцов реформ о том, что сначала мы произведем экономические реформы и сотворим процветающую экономику, а затем к ней «подтянутся» нравственность и культура, вызывал у многих сомнения еще в период существования Советского Союза**. Наилучшим образом утопичность, несостоятельность этой концепции была заметна уже на примере знаменитой программы Г. Явлинского «500 дней»³⁰. Даже самым доброжелательным аналитикам было очевидно, что любые экономические реформы — тем более предполагающие переход от социалистического, командно-административного уклада хозяйственной жизни к рыночному укладу — невозможны директивными методами, близкими к военному коммунизму. Пожалуй, никто, кроме автора этого проекта, не верил, что указаниями начальства можно мгновенно изменить менталитет населения, его общую культуру и за 500 дней в приказном порядке ввести в СССР капитализм.

Между тем в современных условиях идеи либерализма подвергаются все более серьезной критике. Причем не только в России, но и на Западе. К примеру, профессор Массачусетского университета (США) Дэвид М. Котц пишет: «Торжество неолиберализма в течение последних двадцати пяти лет парадоксально, ибо его принципы не согласуются с историческим опытом, прежде всего в области экономического развития и экономической трансформации. Если рассмотреть процесс экономического развития, то

²⁸ См., например: *Окрепилов В. В.* Высокое качество как выражение прогресса культуры // Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева: II Международные Лихачевские научные чтения, 23–24 мая 2002 г. / СПбГУП. СПб., 2003. С. 15–17; *Каменецкий В. А.* Экономика и культура (к соотношению главного и второстепенного) // Образование в условиях формирования нового типа культуры: III Международные Лихачевские научные чтения, 22–23 мая 2003 г. / СПбГУП. СПб., 2003. С. 188–191; *Богомолов О. Т.* Экономика и культура // Культура и глобальные вызовы мирового развития: V Междунар. Лихачевские науч. чтения, 19–20 мая 2005 г. / СПбГУП. СПб., 2005. С. 9–12; *Каширин В. И.* Философия экономики: синтез экономики и цивилизационного детерминизма // Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Международные Лихачевские научные чтения, 26–27 мая 2006 г. / СПбГУП. СПб., 2006. С. 279–280; *Рубинштейн А. Я.* Культура в условиях административной и бюджетной реформ // Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Международные Лихачевские научные чтения, 26–27 мая 2006 г. / СПбГУП. СПб., 2006. С. 303–309.

²⁹ См.: *Некипелов А. Д.* Гуманитарное образование и реформы // День науки в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов: матер. ежегод. междунар. науч.-практ. конф. «Гуманитарная культура как фактор преобразования России», 20–21 мая 1999 г. / СПбГУП. СПб., 2000. С. 20–21; *Арбатов Г. А.* Экономика и современность // Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева: Международные Лихачевские научные чтения, 24–25 мая 2001 г. / СПбГУП. СПб., 2001. С. 134–135; *Петраков Н. Я.* Опора на интеллигенцию — залог выхода России из кризиса // Там же. С. 14–15; *Львов Д. С.* Нравственная экономика // Свободная мысль — XXI. 2004. № 9. С. 24–36; *Богомолов О. Т.* Экономика и общественная среда // Экономическая наука современной России. 2005. № 4. С. 7–17.

³⁰ Переход к рынку: концепция и программа «500 дней» / [подгот. С. Шаталиным, Г. Явлинским и др.]. М., 1990.

даже в истории стран — основных столпов неолиберализма — США и Великобритании не находится подтверждения их сегодняшним поучениям. Традиционно считается, что Великобритания достигла промышленного превосходства на рубеже XVIII–XIX веков благодаря проведению политики свободной торговли (*Laissez faire*). Однако, как показал Чан Хажун, в критический период, когда в ходе промышленной революции Великобритания догоняла своих соперников на континенте, государство активно вмешивалось и во внутреннюю экономическую политику, и во внешнюю торговлю страны в целях продвижения экономических интересов Великобритании. В США в XIX веке государство устанавливало высокие тарифы и активно инвестировало в развитие национальной транспортной системы, что способствовало выдвиганию США из положения аграрной страны на позиции лидирующей промышленной державы мира к концу столетия. Свободная торговля и неолиберализм в целом стали поощряться в обоих случаях только после того, как страны стали настолько сильными в экономическом отношении по сравнению со своими конкурентами, что уменьшение роли государства во всех странах стало служить средством продления экономического лидерства доминирующей державы»³¹.

Академик Д. С. Львов справедливо констатирует: «Для наших либерал-реформаторов так и остался непонятым исходный тезис подлинных реформ — в ходе их осуществления надлежит не только перестроить саму реальность — экономику, но и скорректировать субъективное отношение людей к этой реальности, то есть трансформировать образ социального мира, который превалирует в сознании наших сограждан»³². Понятно, что «трансформировать образ» — это задача социально-психологическая, в более широком смысле — задача, решение которой лежит в сфере культуры.

Как экономика связана с культурой? Что здесь первично и что вторично? В каком соотношении эти сферы находятся? Эти вопросы для современной экономической теории становятся одними из центральных. И оказывается, что научное наследие Д. С. Лихачева может быть в поиске ответов на них, осмыслении сегодняшних российских реалий далеко не бесполезным.

Советская идеология, и вслед за ней наука, утверждала верховенство материального начала над духовным: «бытие определяет сознание», «сфера производства — это базис, а культура — надстройка» и т. д. И Дмитрий Сергеевич стремился в тот период официальной точке зрения не противоречить. «Экономический подъем вызывал подъем культуры, вел к дальнейшему развитию культуры...»³³ — писал он в 1979 году, видимо, памятуя о пребывании в Соловецком лагере на заре собственных научных изысканий.

Однако после прекращения идеологического диктата в науке и общественной жизни мы получили возможность познакомиться с иными его высказываниями. В постсоветский период стало очевидно, что на самом деле, **по Лихачеву, культура — основа экономики, а не наоборот**. В связи с этим нельзя еще раз не упомянуть выступление Дмитрия Сергеевича на заседании президиума Российского фонда культуры в 1992 году: «У нас нет культурной программы — есть экономическая, военная, а вот культурной нет. Хотя культуре принадлежит первенствующее место в жизни народа и государства»³⁴. Возможно, многие увидят в этой позиции некий полемический переклест. Однако если учесть, что академик придерживается классического определения культуры, его мнение заслуживает серьезного осмысления.

Между тем оказалось, что на самом деле Д. С. Лихачев и на сравнительно ранних этапах своей научной биографии интересовался значительно более широким кругом

³¹ *Котц Дэвид М.* Государство и экономическая трансформация: российский и китайский опыт перехода к рыночной экономике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2005. Вып. 2. С. 48–49.

³² *Львов Д. С.* Экономика и жизненный мир человека // Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 26–27 мая 2006 г. / сост. и отв. ред. Г. М. Бирженюк; СПбГУП. СПб., 2006. С. 26.

³³ *Лихачев Д. С.* Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1979. С. 165.

³⁴ *Лихачев Д. С.* «Язык указов мне глубоко чужд...»: из выступления Л. С. Лихачева на президиуме Российского фонда культуры. 1992 год // Наше наследие. 2001. № 59–60. С. 97.

явлений, нежели памятники культуры Древней Руси. Характерен следующий фрагмент одного из его выступлений: «Я помню, как говорил с академиком Николаем Ивановичем Вавиловым, который утверждал, что Россия — северная страна, а для северной страны наиболее подходящей формой земледелия является частное хозяйство; **за это он и заплатился** (выделено мною. — А. З.)»³⁵, — рассказал он в ходе одной из наших встреч в 1998 году. Видимо, горький личный опыт и сломанные судьбы многих великих российских ученых побудили Дмитрия Сергеевича не афишировать существенную часть своих воззрений в советское время. Он не хотел становиться диссидентом.

Следует отметить, что вышеприведенное высказывание академика о ведущей роли культуры носило не декларативно-популистский характер, а вытекало из всей системы научных взглядов ученого, из его философии, миропонимания. По всей видимости, он был скорее идеалистом, нежели материалистом. Во всяком случае, знаменитому постулату «Бытие определяет сознание» он предпочитал альтернативный, едва ли не противоположный взгляд. По крайней мере, Д. С. Лихачев считал, что материя не должна преобладать над духом, что материя — это «низменное начало». В связи с этим ученый и восстает публично против утрирования роли социально-экономического детерминизма в историческом развитии. Прочитируем еще раз: «70 лет нас воспитывали в пессимизме, в философских учениях пессимистического характера. Ведь марксизм — это одно из самых отчаянно пессимистических учений. Материя преобладает над духом, над духовностью — одно это положение говорит уже о том, что материя, то есть низменное начало, первична, и с этой точки зрения разбирались все литературные, художественные произведения; в основе всего искали классовую борьбу, то есть ненависть. И на этом воспитывалась наша молодежь. Что же удивляться, что у нас в отношении нравственности установились пессимистические нормы. <...> Но дело не только в том, что материя не является основой духовности, а в том, что сами законы, которые предписывает наука, порождают этот пессимизм. Если от воли человека ничего не зависит, если история идет своими путями, независимо от человека, то ясно, что человеку не за что бороться, а значит, и не нужно бороться. Я лично верю в случайность в истории, то есть я верю в волю человека. <...> Нас ждет то, что мы сделаем сами, потому что таких законов, которые бы вели нас по строго определенному пути и не давали никуда отклониться, в истории нет»³⁶.

Разумеется, эта цитата, вырванная из общего эмоционального контекста устной научной дискуссии, не должна трактоваться как полное отрицание Д. С. Лихачевым закономерностей исторического развития. В целом ряде научных работ академик таковые закономерности не только признает, но и опирается на них в своих теоретических построениях. Например, когда речь идет о реформах Петра³⁷.

По всей видимости, Дмитрий Сергеевич протестует лишь против гиперболизации материальных факторов развития в ущерб духовно-нравственным, культурным.

Характерно и принципиально, что для Лихачева понятие ценностей носит культурный характер: «Под культурными ценностями подразумеваются не только отдельные объекты — памятники архитектуры, скульптуры, живописи, письма, печати, археологии, прикладного искусства, музыки, фольклора... традиции и навыки в области искусства, науки, образования, поведения, обычаев, культурных индивидуальностей народов, групп населения, отдельных людей и т. д.»³⁸. То есть, понятие ценностей, по Лихачеву, не связано напрямую с материальным или нематериальным характером явлений, и уж тем

³⁵ Лихачев Д. С. Нас ждет то, что мы сделаем сами: [выступление на дискуссии «Россия во мгле: оптимизм или отчаянье?», 15 октября 1998 г. Дворец Белосельских-Белозерских] // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 72.

³⁶ Лихачев Д. С. Нас ждет то, что мы сделаем сами // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 69–70.

³⁷ См.: Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 168.

³⁸ Лихачев Д. С. Декларация прав культуры: впервые представлена в СПбГУП на Дне знаний 1 сентября 1995 г. // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 29.

более денежным характером, как бы не сопряжено со сферой товарно-денежных отношений.

Финансовая деятельность в контексте взглядов ученого имеет характер третьестепенный, подчиненный. Тема финансов у Д. С. Лихачева вообще возникает только как своего рода реакция на «импульсы» из «мира денег» — там, где речь заходит о необходимости поддержки культуры со стороны государства: «Культура во всех ее формах имеет право на финансовую поддержку со стороны государства: поддержку образования и охрану культурных ценностей, в первую очередь, и культуры всех этносов, проживающих на территории государства. <...> Самоокупаемость культуры (или отдельной ее части) может быть декретирована в тех случаях, когда она не ведет к снижению качества произведений культуры. “Самоокупаемая” культура является такой культурой, которая оказывается материально и духовно полезной в целом, воздействует положительно на общество, поднимая его нравственность и умственный потенциал людей»³⁹.

Дмитрий Сергеевич так обосновывает эту свою позицию: «Культура не может существовать без дотаций со стороны государства. Она дает свой невидимый “доход” в виде уважения со стороны других государств, роста нравственности, любви к своей стране, упорядочения общественной жизни. А главное — управление страной становится более умным, ибо умным народом легче управлять умно: увеличивается предсказуемость. Когда говорят, что каждый народ достоин своего правительства, то понимать это следует не в том смысле, что народ сам себя как бы наказывает своим правительством, а в том смысле, что стране с низкой культурой необходимо особое управление (сильные карательные органы, особое законодательство, предусматривающее преступления, немислимые в культурном обществе, сложные системы голосования и т. д.)»⁴⁰. Квинтэссенцией Лихачевского культуранализма является следующее его высказывание: «...Россия — великая страна. Великая не своими территориями, не военной славой, даже не промышленностью и сырьевыми запасами, а прежде всего своей тысячелетней культурой, давшей миру бессмертные произведения литературы, архитектуры, музыки, изобразительного искусства»⁴¹.

Если для философских воззрений академика Д. С. Лихачева материя низменна, вторична по отношению к духу, к духовному, то Лихачев-культуролог относится к материальной стороне жизни совершенно иначе. Думается, его нельзя упрекнуть в пренебрежительном или уничижительном отношении к производству, торговле, финансово-экономической деятельности. Данную сферу он рассматривает как полноправную часть культуры — наряду с литературой, искусством, инженерно-технической сферой, бытом и др. (Другое дело, что литература и искусство в силу первоначального научного профиля привлекают его внимание в первую очередь.)

Характерно, например, что в контексте разговора об архитектуре Петербурга торговые ряды, приказы, рынки естественным образом находятся для него в едином культурном контексте между Адмиралтейством, Меншиковским дворцом и православными храмами. Петербургская торговля выступает здесь органичной частью русской культуры: «“Двенадцать коллегий” — это сеть, анфилада зданий, примыкающих друг к другу по тому типу, как примыкали приказы в Москве. <...> Еще одна особенность русских городов, ярко выраженная в Петербурге, — гостиные дворы, характерные для Архангельска, Новгорода, Костромы, Ярославля, Калуги и многих других русских городов. Все они имели солидные торговые центры в виде гостиных дворов. В Петербурге их сразу несколько: большой Гостиный двор (угол Невского проспекта и Садовой),

³⁹ Лихачев Д. С. Декларация прав культуры (проект): впервые представлена в СПбГУП на Дне знаний 1 сентября 1995 г. // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 30.

⁴⁰ Лихачев Д. С. Великая культура примирительна по своей сути: речь на междунар. науч.-практ. конф. «Гуманитарная культура как фактор преобразования России», 22–23 мая 1997 г. Театрально-концертный зал СПбГУП // Там же. С. 52.

⁴¹ Там же. С. 50.

Апраксин двор, Никольский двор, Андреевский рынок и т. д. Наличие гостиных дворов в Петербурге придавало его торговле вид и характер, типичные для русских городов. Русский характер придавался Санкт-Петербургу и русскими церквями...»⁴² И далее ученый констатирует: «Как свидетельством особой русскости Петербурга могу поделиться и своими детскими впечатлениями. В Петербург часто приезжали крестьяне, главным образом Олонецкой, Ярославской, Новгородской, Архангельской и прочих губерний. Лодки с северной глиняной посудой и игрушками въезжали в Лебяжью канавку, Мойку, Фонтанку и здесь торговали привезенным. Крестьяне, приходившие в город на заработки, приводившие барки с кирпичом и дровами, создавали особый колорит Петербурга, связанного со всеми другими частями России водным транспортом. Одним словом, Петербург как город — не просто европейский, он явно русско-европейский город»⁴³.

Ломка советского социально-экономического уклада жизни приходится на завершающий период жизни Д. С. Лихачева. 1990-е годы — особо трудное время для отечественной интеллигенции: кажется, чуть ли не вся страна круто разворачивается от духовной жизни, культуры к проблемам материального обогащения. Дмитрию Сергеевичу уже за восемьдесят. Он глубоко переживает постигшую страну социальную катастрофу, испытывает разочарование и боль от сознания неисчислимых бед и лишений, которые приносят хаотичные и непродуманные реформы миллионам простых людей. И вместе с тем пытается выработать свою позицию по отношению к новым российским реалиям.

В это время в его воззрениях проявляется удивительное и заслуживающее серьезнейшего осмысления сочетание либеральных идей с социальной ориентированностью, трудно совместимое с поляризацией основных экономических моделей, произошедшей в XX веке.

К примеру, выясняется, что Д. С. Лихачев с большой симпатией, сочувствием относится к крестьянству: «Кстати, крестьянство всегда стояло костью в горле у правительства. Крестьяне были **свободны** (выделено мною. — А. З.) — они сеяли хлеб, **продавали его, кому хотели, назначая свою цену** и т. д. До сих пор власти противодействуют созданию фермерского слоя, потому что фермерство — это **свободное предпринимательство** огромных масштабов и никто не сможет в него вмешаться. Возрождение крестьянства очень важно, без этого положение в стране не улучшится... Закон о земле до сих пор не принят из опасения, что она вновь попадет в руки чиновников. Чиновник не может любить землю — ее может любить только крестьянин, который непосредственно, мускульно ее чувствует, знает, что от того, как он пашет и удобряет, зависит благосостояние его детей и внуков, к которым его земля перейдет. Она должна непременно переходить по наследству, чтобы в стране сформировался класс землепашцев»⁴⁴. В другом выступлении Д. С. Лихачев снова возвращается к этому тезису: «В течение тысячи лет Россия была связана с земледелием. Недаром существовал культ земли, земледельческие праздники... Создать и упорядочить земельный кодекс — первая, самая важная задача, потому что когда в нашей стране будет упорядочено земледелие, когда будут **законы, которые твердо гарантируют право на землю ее владельцу и его наследникам** (выделено мною. — А. З.), тогда не будет и голода в России»⁴⁵.

При определенных условиях Дмитрий Сергеевич не возражает и против введения платного высшего образования. В 1993 году, основательно познакомившись с деятельностью нашего Университета, он становится его Почетным доктором. Но СПбГУП вынужден с 1992 года в силу сложившихся обстоятельств (прекращения бюджетного

⁴² Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры: акт. лекция, прочит. 19 мая 1993 г. в день вручения Д. С. Лихачеву диплома и мантии Почетного доктора СПбГУП // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 13–14.

⁴³ Там же. С. 15.

⁴⁴ Лихачев Д. С. Спешите учиться: интервью 22 апреля 1998 г. Кабинет Д. С. Лихачева в Пушкинском Доме: [публ. впервые] // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 62.

⁴⁵ Лихачев Д. С. Нас ждет то, что мы сделаем сами // Там же. С. 71–72.

финансирования) первым в стране ввести платное обучение. Журналисты не преминули расспросить ученого о его отношении к этому факту. Ответ был таков: «...если у родителей есть возможность заплатить (выделено мною. — А. З.) за воспитание собственных детей, за обучение в этом университете — то это лучший способ потратить деньги, получить от них достойную отдачу»⁴⁶. Уже в этом ответе проявляется убежденность Д. С. Лихачева в необходимости социальной ориентированности механизмов экономического развития.

Нетрудно заметить, что эти его идеи однозначно совпадают с существующими в экономической науке положениями о человеческом капитале. Понятие человеческого капитала, как известно, ввел еще А. Смит, который понимал его как капитализированную ценность приобретенных и полезных способностей всех жителей, членов общества. В книге «Экономикс», написанной С. Фишером, Р. Дорнбушем и Р. Шмалензи, дано следующее определение: «Человеческий капитал есть мера воплощенной в человеке способности приносить доход. Человеческий капитал включает врожденные способности и талант, а также образование и приобретенную квалификацию»⁴⁷. Затраты на образование или обучение человека, полагал А. Смит, можно рассматривать как капиталовложения в его способность зарабатывать в будущем, аналогичные вложениям вещей в вещественный капитал⁴⁸. Эффективность таких инвестиций резко возрастает в условиях современной научно-технической революции.

Совершенно отчетливо соответствующие аспекты лихачевских воззрений проявляются в проекте «Декларации прав культуры» — документе, ставшем по сути научным и нравственным завещанием академика⁴⁹. Понимая, что огромное количество культурных ценностей в мире сегодня сосредоточено в руках частных владельцев, Д. С. Лихачев предлагает международному сообществу принять следующий постулат: «Все произведения культуры должны быть доступны для бесплатного обозрения...»⁵⁰. Заметим, что верный своему пониманию ценностей ученый и здесь проявляет равнодушие к материальным благам. Его волнует совсем другое — коммерциализация культурной жизни, способствующая распространению низкопробных, а зачастую и антигуманных явлений. В связи с этим он выражает в «Декларации» «...озабоченность усиливающейся экспансией антигуманных явлений массовой коммерческой культуры, угрожающих самобытности национальных культур и культурному развитию человечества в целом»⁵¹. Культура во всем мире должна охраняться государствами и быть общедоступной, поскольку «...является основой социального и экономического развития народов, государств и цивилизаций, духовного и нравственного возвышения человека»⁵².

По Лихачеву, культурное развитие и культурная солидарность в совокупности с экономической и политической интеграцией современного мирового сообщества могут составить залог толерантности, взаимопонимания и демократии, стать условием предотвращения войн и насилия⁵³.

⁴⁶ Лихачев Д. С. Спешите учиться: интервью 22 апреля 1998 г. Кабинет Д. С. Лихачева в Пушкинском Доме [публ. впервые] // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 67.

⁴⁷ Фишер С. Экономика = Economics / С. Фишер, Р. Дорнбуш, Р. Шмалензи; пер. с англ., общ. ред. и предисл. Г. Г. Сапова. М.: Дело, 1993. Гл. 17: Человеческий капитал и профсоюзы. С. 303.

⁴⁸ Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов // Антология экономической классики: В. Петти, А. Смит, Д. Рикардо. М.: Эконом-Ключ, 1993. С. 165.

⁴⁹ Декларация прав культуры (проект) / СПбГУП. СПб., 1996; Декларация прав культуры [оконч. вариант, разработ. коллективом ученых СПбГУП под науч. рук. Д. С. Лихачева] // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 81–90; Декларация прав культуры: [оконч. вариант, разработ. коллективом ученых СПбГУП по рук. Д. С. Лихачева] // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 388–397.

⁵⁰ Лихачев Д. С. Декларация прав культуры (проект): впервые представлена в СПбГУП на Дне знаний 1 сентября 1995 г. // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 33.

⁵¹ Декларация прав культуры [оконч. вариант, разработ. коллективом ученых СПбГУП под науч. рук. Д. С. Лихачева] // Там же. С. 82.

⁵² Там же. С. 81.

⁵³ Там же. С. 82.

Думается, что **Дмитрию Сергеевичу удалось предвосхитить одну из самых перспективных тенденций развития современной экономической мысли: синтез лучших сторон либерального и социально-ориентированного подходов на основе совершенствования государственного воздействия на экономику и социальную жизнь.** «Либеральные системы Запада... не видят сегодня экономику вне государственного регулирования, — пишет профессор Е. Ф. Чеберко. — Изменение форм государственного воздействия на экономику ни в коей мере не наносит ущерба становлению цивилизованного рынка»⁵⁴. Разумеется, речь идет о том государственном воздействии, которое стало по мере исторического развития одной из высочайших форм человеческой деятельности, государственном воздействии, как своего рода достижении социально-экономического развития.

Современная экономическая мысль России настойчиво ищет пути такого синтеза. В качестве одного из ярчайших примеров назовем хотя бы концепцию академика Л. Абалкина «Теория исторического синтеза — предпосылка разработки долгосрочной стратегии», изложенную в одном из последних номеров журнала «Вопросы экономики»⁵⁵. Кстати, в рамках данной концепции предлагается «обобщить человеческий опыт за последние 2–2,5 века со времен промышленной революции и начала становления гражданского общества»⁵⁶ и выделяются три глобальных мегатренда, последний из которых (по порядку, но не по значению) — учет особенностей цивилизационного устройства общества. Л. Абалкин в связи с этим пишет: «К сожалению, особенности цивилизационного устройства общества пока изучены крайне недостаточно. <...> Цивилизационные особенности устойчивы и изменяются крайне медленно. Но до настоящего времени механизм или генетический код, с помощью которого осуществляется воспроизводство данного цивилизационного типа и который включает в себя культуру, традиции, верование, семейные предания и многое другое, все еще остается загадкой»⁵⁷. Думается, изучение научного наследия Дмитрия Лихачева и — более широко — расширение междисциплинарного диалога наук могут способствовать преодолению указанной проблемы.

Рассматривая историю человечества как непрерывный процесс борьбы культуры с дикостью, Добра со Злом, академик Лихачев отмечает, что развитие культуры протекает совершенно по иным законам, нежели жизнь природы. Если в природе верх одерживает сильнейший, подтверждая законы дарвинизма, то в культуре неуклонно побеждает Человеческое начало. Оно пробивается как трава сквозь асфальт, невзирая на вытаптывание. В связи с этим, **оперируя понятиями выдающегося ученого-гуманитария, можно утверждать, что культура неизбежно одержит победу над дикостью и в экономической сфере жизни общества.**

⁵⁴ Чеберко Е. Ф. Совершенствование управления государственным сектором экономики / Е. Ф. Чеберко, А. В. Бобров. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2005. С. 18–21.

⁵⁵ Абалкин Л. Размышления о долгосрочной стратегии, науке и демократии // Вопросы экономики. 2006. № 12. С. 16–17.

⁵⁶ Там же. С. 16.

⁵⁷ Там же. С. 17.